

Источник: Таганрогская правда
Дата выпуска: 29.11.1996
Номер выпуска: 320-322
Заглавие: Второе рождение Таганрога
Автор: Владимир Грачев

(год из жизни Екатерины II)

В России вряд ли найдется еще один такой город, как наш у которого был бы, как ни странно, полный «комплект родителей» - и «отец» и «мать», да еще таких знаменитых, императорских кровей.

Двести лет назад, 6 ноября 1796 года (17 ноября по н.ст.), в России закончилось царство женщин - ушла из жизни последняя русская самодержица - императрица Екатерина II. В истории нашего города это имя занимает столь же почетное место, как и имя основателя Таганрога императора Петра Первого.

Молодому нашему городу было всего 13 лет (роковое число!), когда после непродолжительной, но усиленной застройки он был вновь разрушен до основания, отнят у России, брошен и предан забвению. И более полувека пролежал в развалинах, дожидаясь прихода спасительницы своей Екатерины II, для которой благо Отечества стало смыслом жизни. Она осуществила мечту Петра, вернув Таганрог у Турции, чтобы, снова отстроив и вдохнув в него жизнь, сделать, как прежде, цветущим и сильным.

Екатерина положила немало трудов на восстановление Таганрога, и начало его нынешнего существования восходит фактически к ее временам. Существует даже нечто вроде символической связи между историческими датами в судьбах матушки государыни и нашего славного города: последний год правления императрицы (год смерти), 1796-й, если записать его с небольшой перестановкой цифр: 1769, превращается в год второго рождения Таганрога, когда он был окончательно присоединен к России и быстро обрел свое военное и торговое, значение. Об этом 1769-м, знаменательном годе царствования Екатерины II и пойдет дальше речь.

Как и все, что появляется на свет в трудах и муках, вновь обретенные города и земли Приазовья появились у России в муках войны, которую объявила нам Порты (Турция), 6 октября 1768 года бросив за решетку полномочного посла в Константинополе А. М. Обрескова. Сражаться с Османской империей для русских людей было делом привычным. И не случайно, поэтому одно из первых заседаний своих, 12 ноября 1768 г., военный совет при дворе ее Величества посвятил "чтению разных мер, взятых в прошедших войнах с турками..." Этот опыт у России был действительно велик. Но для Екатерины, уже шесть лет носившей императорскую корону, грянувшая война оказалась первой, а поэтому особенно тяжелой.

К ее началу она многое успела сделать: утвердила новый внешнеполитический курс России, которая теперь не унижала себя ролью служанки европейских держав, а следовала "собственной системе" интересов; добилась избрания на польский трон своего ставленника Станислава Понятовского; заключила оборонительный союз с Пруссией, обязавшейся предоставлять России денежную субсидию в случае войны с османами; подписала торговый договор с Англией, заручившись ее поддержкой в польском вопросе и согласованностью дипломатических действий по отношению к Швеции - союзнице Франции, вредившей России где только можно.

Чутьем опытного политика она уловила приближение военной грозы и еще за полгода до того, как ей разразиться, распорядилась уточнить списки пехотных полков, инженерных корпусов, гарнизонных батальонов (занятых, в частности, на реке Двине) с указанием лет службы, чинов, званий и военных должностей от обер-офицеров до кондукторов и "махиновых" мастеров для выдачи годового жалования "не в зачет, а в награждение" и с повышением в чинах особо отличившихся. А через 4 месяца осталась "весьма довольной" эскадрой А. Н.

Сенявина, производившей учения ("экзерции") и тоже поощрила экипаж и самого контр-адмирала денежным вознаграждением в 10 тысяч рублей.

Но война, как ни готовься к ней, все равно начинается неожиданно. Она создает новую обстановку в стране, и предварительно решенные вопросы русскому правительству приходится рассматривать заново: и "какой образ войны вести", и "где быть сборному месту", и "какие взять осторожности в рассуждении прочих границ Империи", и как для нее "примыслить денежные способы с меньшим народным отягощением" и т.д. В срочном порядке составляется окончательный план кампании с предвидением "выгод, какие за полезнее положить в случае наших авантажей", решаются вопросы мобилизации и снабжения, в числе которых - "заготовление судов" в Брянске для поставок армии провианта и фуража, определение размеров налога с Лифляндии и Эстляндии на время войны, создание смоленских форпостов и т.п. И все это - при деятельном участии Екатерины.

Войне нужны деньги, и государыня создает специальные "банки для вымена ассигнаций"; армия требует доукомплектования - и ей приходится отзывать офицеров из Комиссии по составлению нового уложения; из Москвы выведены подразделения охранной службы в состав регулярных частей - и Екатерина принимает срочные меры по созданию "конных и пеших команд" из числа городских жителей "для искоренения грабежей, разбоев и непорядков", вспыхнувших в первопрестольной после ухода из нее патрульных войск, передает ополченцев полицейскому ведомству с требованием обмундировать их, вооружить, снабдить лошадьми и проследить, чтоб новоиспеченные стражи порядка сами бы не стали разбойничать.

Причем нарастающий ком военных проблем ничуть не убавляет забот гражданских. Наоборот, к их числу прибавляются новые. Зная, что людские потери в военное время связаны не столько с боевыми действиями, сколько с эпидемиями и мором (а так обстояло дело и в последующем XIX веке и в начале XX), Екатерина выписывает из Англии ученого медика Димсдаля и подвергается оспопрививанию, подавая пример остальным жителям столицы. Профилактика болезни быстро принимает массовый характер, и государыня гордится, что за один месяц в Петербурге обработку вакциной прошло граждан больше, чем за восемь месяцев в Вене. С войной в государство приходит проблема сирот, и мать Отечества печется об их "призрении": детей Обрескова, например, определяет для воспитания и прокормления, приписывая к девичьему монастырю ("девок"), а мальчиков отдает в Кадетский корпус. Ускользнувшие в первое время от внимания императрицы купцы и мещане, не понесшие общих тягот войны, вдруг стали быстро жиреть и наживаться на военных заказах, а непосильное бремя расходов пало на казну и дворянские имения, которые, помимо поставки рекрутов, должны были обеспечивать фронт еще и провиантом, фуражом, подводами и работниками. И поэтому Екатерина вводит новую подать специально для купцов и мещан, привлекая этих ловких предпринимателей к делу "защиты Отечества", ибо "справедливо следует и им войти в оное по силе и возможности каждого".

Так начиналась и входила в 1769 год эта памятная в истории Таганрога война. Она быстро научила мудрую Екатерину военно-политической стратегии и силовым правилам обращения с жестоким и вероломным противником. В короткое время составила общую картину театра военных действий, определились цели и задачи армейских соединений, взятие Таганрога и Азова стало одной из главных и первой из достигнутых целей войны. И первой в жизни военной добычей Екатерины. Интересно, что эти же города (тогда еще крепости, а точнее, только одна крепость - Азов, Таганрог был просто мысом) были и первой добычей Петра I.

Его военную биографию (не считая занятий с "потешными" войсками) начинали Азовские походы - в одном направлении и с одной целью, той же самой: овладение Азовом (и Таганрогом). Но если он достиг этой цели лишь со второй попытки, то Екатерина решила задачу сразу, оттянув войска Порты от Приазовья на Днестровско-Бугское направление, где сосредоточила две свои большие армии общей численностью 110 тысяч человек (о такой стратегии Петр, не располагая тогда еще крупными силами, мог только мечтать).

Поэтому Таганрог можно с полным основанием назвать первенцем как Петра, так и Екатерины.

Интересно также заметить, что в России вряд ли найдется еще один такой город, как наш, у которого был бы, как ни странно, полный "комплект родителей" - и "отец", и "мать", да еще таких знаменитых, императорских кровей! По степени знатности, полноте и чистоте происхождения нашему городу нет равных в России (у Петербурга, например, только один родитель - Петр I; у Москвы тоже один - Юрий Долгорукий, хотя и это допущение условное, так как кремлевский поселок существовал и до него, просто с 1147 года начинается княжеская летопись Москвы; что же касается Азова, то ведь Петр I его не основывал, а брал с боем). Мягкий климат и природная красота Таганрога словно идут от женщины (а именно такою по натуре и была Екатерина II), а промышленный характер - от "отца" нашего, Петра I, любившего "железное дело" и самолично ковавшего штормовые якоря морских судов (недаром ведь Таганрогский металлургический завод - один из самых мощных на юге России!).

И вот что еще интересно: если записать первый год царствования Петра (1689-й) с той же перестановкой цифр, что и в приведенном случае с Екатериной, то получится год первого рождения Таганрога, год его основания: 1698 - та же символика! Для полноты ее можно указать на соответствие порядкового номера рождения города титульному номеру императорского имени: первое рождение Таганрога связано с Петром Первым, второе - с Екатериной Второй. Символично также, что именно первое рождение Таганрога - начало города - связано с датой начала царствования "родителей", а второе его рождение, последнее, - с последним годом пребывания их на престоле.

Второй раз город наш родился 2 апреля (ст.ст.) 1769 года (что, кстати, тоже символично: на апрель приходится преимущественно и второе рождение Иисуса Христа - светлое Его Воскресение - Пасха. В 1769 г., например, Пасху отмечали 19 апреля), Рождение города оформили вполне официально: в этот день, т.е. 2 апреля, сюда прибыл с военным отрядом будущий комендант Таганрога Дежедерас - бригадир 2-й армии генерала П.А. Румянцева, занял Таганрог, а точнее сказать, ровное место, где был город, и в самой высокой его точке установил русский штандарт. Это означало российское владение местом, а дату занесли в городскую хронику. С этого момента в Таганроге начались широкие восстановительные работы, несмотря на то, что война продолжалась и набирала темп.

Уже в следующем месяце Екатерина писала западным корреспондентам: "Азов... занят также, как и Таганрог... Тот и другой были срыты при посредничестве Франции в 1739 г., а я их приказала возобновить без посредничества.

Ни одного неприятеля не видели с тех пор, как там работают". А работа кипела. Она производилась под общим контролем генерал-поручика Вернеса - коменданта Азовской крепости. Непосредственным же руководителем восстановления гавани и военных объектов в Таганроге был А.Н. Сенявин, которого Екатерина 4 июня 1769 г. произвела в вице-адмиралы и к которому были даны в помощники военный (крйгс) комиссар Селиванов и атаман Войска Донского Ефремов. На инженерных работах в гавани был занят подполковник Збродов, а на крепостных сооружениях (магазины, погреба, "светлицы для морских служителей" и т.д.-) - предписанный адмиралтейской коллегией архитектор Петров.

Екатерина требовала от Сенявина "Таганрогскую, гавань... поставить в такое состояние, чтоб она могла служить как убежищем судам, так и для построения оных... чтоб будущая в кампанию 1770 года флотилия в оной уже зимовать могла". Скорая постройка гавани обеспечивала связь Таганрога с Азовом и крепостью св. Дмитрия (будущим Ростовом н/Д), а, значит, - господство в Азовском море и выход к Черному морю и Крыму.

1769 год вошел в историю еще и победами в Приднестровье, в первую очередь под Хотиним в канун 40-летия императрицы, и она сама говорила, что это ей подарок ко дню рождения (тоже в апреле, 21-го числа). Эти военные успехи стали предвестниками побед следующего года при Ларге и Кагуле. Кроме того, начиная с 18 июля, по очереди тремя эскадрами был предпринят поход в Архипелаг, в обход Европы, завершившийся летом следующего, 1770 года, блестящей победой над турецким флотом в Хиосской гавани и совершенным уничтожением его при Чесме - страшным поражением, каких Османская империя не

знала с 1571 года.

В 1769 году Екатерина положила конец набегам крымских татар на Россию, грабивших и разорявших наши земли и ежегодно уводивших в неволю до 20 тысяч русских людей. Последнее их вторжение произошло в январе этого года, когда они обогатились громадной добычей и тысячами пленных. Через несколько месяцев им захотелось вновь ограбить Украину, вторгшись в нее в трех местах, но русские откинули татар, - как писала Екатерина Вольтеру, - и на этот раз они вернулись от нас такими же оборванцами, какими вышли из Крыма".

Сама Екатерина, как бы давая оценку своим действиям в 1769 году, писала 4 октября: "С апреля месяца Россия приобрела три крепости - Азов, Таганрог и Хотин и дала восемь сражений, в которых неприятель был достаточно поколочен". А несколько ранее подчеркнула: "Со времени войны я совершила два предприятия: выстроила Азов и Таганрог, где был порт, начатый и разоренный Петром Великим. Вот две драгоценности, которые я велела обделать..." То есть возвращение Таганрога России сама императрица считала важнейшим своим достижением.

История 1769 года будет неполной, если не упомянуть еще одно его событие, не очень заметное, но для нас не лишенное интереса. При дворе Екатерины II был некий граф Редерн, немец, которого она держала специально для составления проектов экономической и торговой политики России в ее отношениях с другими странами. Идеи графа были не очень удачными, трудноисполнимыми, странными, а подчас и просто фантастичными, Екатерина даже сердилась, говоря, что лучшее в бумагах прожектера - это печать, которой он скрепляет свою подпись. Он предлагал, например, императрице завоевать Индию путем военно-экономической экспансии, организовать китовую ловлю, коммерчески почему-то связанную с Персией, торговать с Украиной через Польшу и Данциг, управлять государствами и странами через метафизиков и математиков, собранных в Академии наук и т.д.

Но среди проектов Редерна был один, отмеченный даром прозорливости. Этот документ, представленный графом на рассмотрение в государственный совет в июле 1769 г., трактовал о необходимости завоевания Россией Крыма. Автор, давая основания проекту подводил и к способу его осуществления.

Это было началом эпопеи, которую через полтора десятилетия с триумфом завершил князь Потемкин-Таврический. Но уже в 1774 году генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев, подписывая мирный договор в Кючук-Кайнарджи, "энергично" потребовал признания Портою независимости Крыма, что и было внесено в меморандум вместе со статьей, по которой Таганрог и Азов отходили России без всяких условий. С самого начала, с первого же официального международного протокола Таганрог и Крым пошли в нашей истории рядом. Обретенные для России Екатериною, это были воистину дети одной матери, похожие друг на друга внешне, характером и судьбой. Действительно, у них и климат почти одинаковый, и "лицом" они родственники: Крым - полуостров, и Таганрог с трех сторон омывается водой. А судьба до недавнего прошлого была чуть ли не в буквальном смысле одна на двоих. Стоит вспомнить несколько фактов из истории нашего Отечества.

Таганрог начинался как военно-морская база. Именно так начинался и Крым, причем, приняв эту функцию от Таганрога.

Оба эти региона отмечены высочайшими событиями, каких не знал ни один город Российской империи, за исключением северной столицы. С момента присоединения Таганрога и Крыма к России и до последнего дня царствования Дома Романовых все государи наши оканчивали свои дни в Петербурге. Кроме двоих - Александра I и Александра III. Первый умер в Таганроге, второй - в Крыму (Николай II не в счет, так как он погиб в советское время). Примечательно также, что Александр I, уже будучи в Таганроге, за считанные дни до своей смерти вдруг непонятно зачем спешно съездил в Крым.

Общую долю наши полуострова разделили во время Крымской войны 1853-56 годов. Если свести эту войну к главному ее событию: обороне Севастополя в апреле-сентябре 1855 года, то она почти точно совпадет с обороною Таганрога, которая происходила с мая по ав-

густ. Остается загадкой, зачем было английской эскадре, в числе других агрессоров напавшей на Крым - морской щит державы, нападать еще и на Таганрог - мирный, провинциальный, давно купеческий городок России, отстоявший далеко от театра военных действий и не имевший ровно никакого военно-политического значения (его даже обороняли не регулярные войска, а жандармы, отставники и ополченцы из местных жителей)? Правда, что неисповедимы пути Господни!

Общей судьбою наш город с Крымом связал и А.П. Чехов. Первый дом его судьба определила в Таганроге, где Чехов родился и вырос, а последний - в Крыму, где он провел свои последние годы (смерть писателя в Баденвейлере ничего в этом смысле не меняет).

В XX веке участь Таганрога и Крыма осталась по-прежнему общей, но наполнилась трагическим содержанием. В гражданскую войну и тут, и там размещались ставки знаменитых "белых" генералов: А.И. Деникина - в Таганроге в 1919 г. и П.Н. Врангеля - в Крыму в 1922 г. Характерно, что после последнего своего неудачного похода на Москву А.И. Деникин, покидая в 1920 г. Россию, передал остатки своей армии именно П.Н. Врангелю.

Не за "пособничество" ли белым были в наказание по очереди подвергнуты "экспатриации" сперва Таганрог, который Ленин в 1920 г. передал Украине, а затем Крым, с которым то же самое в 1954 г. проделал Хрущев? То, что было "драгоценностью" для нашей матушки государыни, Владимир Ильич счел за лишнее в шкатулке государственных земель, перекраивая Россию на свой манер.

Нас, Таганрог и Крым - детей Екатерины, словно сирот выгнали из родительского дома лысые дяди, любившие распоряжаться тем, что им не принадлежало. Правда, Таганрог - старшего из братьев после смерти вождя мирового пролетариата все же вернули под родную крышу, хоть и поселили после т.н. "Беловежских соглашений" у самого порога, а Крым пропал в чужом краю. Была бы мать императрица жива, она бы заступилась за своего младшенького. "Вся моя жизнь, - писала Екатерина II, - была употреблена на поддержание блеска России, и поэтому не удивительно, что наносимые ей оскорбления и обиды я не могу терпеть в молчании и их скрывать, как это мы делали доньше, ради минутной осторожности..."